

**Смена типов литературы и судьбы поэтики**

**Зміна типів літератури і доля поетики**

***Change of literature types and development of poetics.***

*В статье рассматривается, как смена типов литературы отражалась на судьбах поэтики.*

*Ключевые слова: типы литературы, поэтика, риторика, риторичность, художественность, история литературы, текст, художественный мир.*

*У статті розглядається, як зміна типів літератури відбивалася на долі поетики.*

*Ключові слова: типи літератури, поетика, риторика, риторичність, художність, історія літератури, текст, художній світ.*

*The article focuses on how the changes in literature types affected poetics development.*

*Key words: types of literature, poetics, rhetoric, rhetorical character, artistic character, history of literature, text, artistic world.*

Едва ли не всё, чем мы, литературоведы, занимаемся, суть проблемы поэтики. Но что же это за наука такая, которая объединяет интересы специалистов в самых разных областях литературоведения?

Еще в 1-м издании своей «Поэтики» (1925 г.) Б.В. Томашевский писал, что поэтика – это дисциплина, изучающая конструкцию художественных произведений. И сегодня принято считать, что поэтика - это учение о структуре литературных произведений. Именно такое понимание поэтики отражено в «Краткой литературной энциклопедии», в которой сообщается, что поэтика – это «наука о строении лит. произведений и системе эстетич. средств, в них используемых. Состоит из общей П., исследующей худож.

средства и законы построения любого произведения; описательной П., занимающейся описанием структуры конкретных произведений отд. авторов или целых периодов, и исторической П., изучающей развитие лит.-худож. средств. При более широком понимании П. совпадает с теорией лит-ры, при более узком – с исследованием поэтич. языка, или художественной речи» [1, 936-937]. На первый взгляд, все ясно и вполне логично. Но в статье И.К. Горского «Историческая поэтика в ее соотношении с другими литературоведческими дисциплинами» [2] этому определению даётся такой комментарий: «Сразу же заметим, что ни «Поэтика» Шерера, ни «Историческая поэтика» А.Н. Веселовского под специальное определение, предлагаемое в Краткой литературной энциклопедии, не подходят. Не подходят под него также «Поэтика древнерусской литературы» Д.С. Лихачева и «Поэтика ранневизантийской литературы» С.С. Аверинцева, которые, хотя и не снабжены в отличие от «Исторической поэтики» М.И. Стеблин-Каменского поясняющим их характер определением в самом заглавии, по существу принадлежат к тому же типу работ. Более того, под основную из дефиниций понятия «поэтика», даваемых в Краткой литературной энциклопедии, безоговорочно подойдут только исследования вроде очерков В.Б. Шкловского «О теории прозы», а из сочинений донаучной поры знаний о литературе, пожалуй, лишь наставления типа «Поэтического искусства» Н. Буало или «Опыта критической поэтики для немцев» И.Х. Готшеда, которые тоже считали содержание поэзии чем-то менее существенным для нее по сравнению с формой и слогом (стилем). Что же касается «Поэтики» Аристотеля, «Науки поэзии» Горация или «Поэтики» Феофана Прокоповича, то этого рода трактаты без натяжек под основную из указанных дефиниций не подведешь. Это обстоятельство, - замечает И. Горский, - вынуждает обратить особое внимание на оговорку насчет возможности более широкого и более узкого понимания поэтики. Надо объяснить, почему поэтика может пониматься и как теория литературы и как стилистика - иначе мы рискуем запутаться в словах, называя одно и то же разными именами» [2, 142-143].

Как видим, целый ряд классических, «хрестоматийных» поэтик далекого и не очень прошлого, равно как и некоторые лучшие образцы поэтики нашего времени, не соответствуют наиболее распространенному ныне пониманию поэтики как науки. Прав И. Горский: в этой ситуации следует обратить внимание на многозначность понятия «поэтика». Вот только опасность недооценки этой многозначности видится мне в другом:

мы рискуем запутаться в словах не столько потому, что будем называть одно и то же разными именами, сколько потому, что будем называть разные вещи одним и тем же именем - «поэтикой».

Многозначность понятия «поэтика» важно понять не только как наличие различных интерпретаций его в настоящее время, т.е. важно понять не только в плане синхронии, но и в плане диахронии, т.е. как изменение природы поэтики в процессе развития литературы, в процессе изменения природы литературы.

Идея изменчивости природы литературы свое наиболее существенное воплощение нашла в концепции типов литературы, которая все прочнее утверждается в современном литературоведении. Ныне разногласия вызывают лишь количество сменявшихся типов литературы (два, три или четыре) и их наименования (средневековая литература и новая; словесная культура закрытого типа и открытого; каноничная, парадигмальная и словесная; религиозно-риторическая, светско-риторическая, эстетическая и пост-эстетическая; проч.). Тип литературы - это понятие, используемое в качестве крупнейшей единицы членения литературного процесса и, с другой стороны, отражающее определенное качественное состояние природы литературы. Смена типов литературы (и соответствующих им типов художественно-литературного сознания) обуславливается сменой типов культуры. Напомню в связи с этим, что Б.В. Томашевский еще в 1925 году подчеркивал: «История литературы есть отрасль общей истории культуры». Смена типов литературы оказывает чрезвычайно сильное воздействие на судьбы поэтики. Разумеется, в короткой статье суть этого воздействия можно очертить лишь схематично и в известном смысле односторонне, ибо меня интересует в первую очередь история русской культуры и литературы.

Европейская культура от эпохи архаики до (приблизительно) рубежа XVIII-XIX веков была, как известно, культурой традиции. В полной мере это распространимо и на культуру слова. Рождение риторики и поэтики, по мысли С. Аверинцева, означало переход словесной культуры из стадии дорефлективного традиционализма (когда традиция не является предметом рефлексии) в стадию рефлективного традиционализма. В связи с тем, что на протяжении всей этой хронологически огромной эпохи еще не существует понятия «художественная литература» (не говоря уже о какой-либо его дефиниции), законодательницей для всей словесности является риторика,

положения которой распространяются и на поэтику как дисциплину, «ведающую» поэзией в узком смысле этого слова, т.е. стихотворством. Как писал В.М. Жирмунский, для поэтик, создававшихся в обозначенную нами эпоху, обычно были характерны следующие черты: «Во-первых, эти поэтики носили характер эмпирически-описательный, т.е. в основе их лежало описание, систематизация опыта больших классических поэтов, на произведениях которых строилась... поэтическая теория.

Во-вторых, такого рода поэтики обобщали обычно узконациональный опыт своего народа, даже своего века. Конечно, при узости этого опыта, - узости и в национальном, и в историческом смысле, - поэтики эти приобретали характер догматический, потому что обобщаемый опыт ни с чем не сравнивался, не было исторического подхода.

В-третьих, такого рода поэтики всегда имели нормативный, оценочный характер, т.е. их задача заключалась в том, чтобы на образцах, принятых как классические, построить норму, сформулировать законы, правила сочинения стихов, и с точки зрения этой нормы оценивать то, что делается в области поэзии.

В-четвертых, такого рода поэтики носят практический, можно даже сказать, педагогический, рецептурный характер. Их задачей является научить писать стихи... на основании норм и правил, отвлеченных от классических образцов» [3, 228].

В качестве трех основных разделов этих поэтик В.М. Жирмунский называет метрику, стилистику и теорию поэтических жанров [3, 229].

По мысли ученого, если даже в этих курсах поэтики и рассматриваются вопросы философско-эстетического характера (что бывало относительно редко), то это рассмотрение также было догматичным, не могущим выйти за рамки своего опыта, не умеющим сравнивать и, следовательно, не стоящим в отношении этих вопросов на исторической точке зрения.

Как известно, средневековой Московской Руси практически не были известны риторика, поэтика, грамматика, с которыми он начинает знакомиться лишь после присоединения Украины. Именно в результате этого события в истории русской словесной культуры начинается, наконец-то, эпоха рефлексивного традиционализма, начинается эпоха светско-риторического типа литературы (длящаяся до 2-й трети XIX века). И

импортируемые поэтики, и создаваемые позднее на их основе собственно русские в полной мере характеризуются чертами, на которые указал В.М. Жирмунский.

На рубеже XVIII-XIX веков в европейской культуре происходит «тектонический сдвиг» (метафора принадлежит Л.М. Баткину): осознание европейским человеком себя индивидуальностью приводит к тому, что традиция перестает быть главным инструментом выполнения культурой своей основной - адаптивной - функции, а потому культура перестает быть традиционалистской, какой она была от самого своего зарождения. Осознав себя индивидуальностью, человек занимает особое - автономное - положение в мире; отныне он должен сам, без оглядки на традицию, выбирать ценности и идеалы, которые сам сочтет наиболее авторитетными для себя. Это ставит перед культурой принципиально новые задачи, которые она решает главным образом и наиболее успешно с помощью литературы. Вот почему в XIX веке именно литература становится властительницей дум. Для того, чтобы успешно решать вставшие перед культурой сложные задачи, литература должна была стать для человека особой моделью действительности, способной помочь ему познать себя и мир, испытать различные ценности и выбрать наиболее подходящие для себя, а также реализовать, хотя бы в иллюзорной реальности, созданной литературой, те свои «я», которые не могли быть реализованы в жизни.

Вполне закономерно в связи с этим, что литературное произведение уже с эпохи романтизма выступает прежде всего в ипостаси художественного мира, а не текста (что было характерно для предшествующего типа литературы). Это отчетливо осознаётся уже Белинским, особенно ясно – в 40-е годы. Став и осознав себя преимущественно художественным миром, литература напряженно осмысляет свою специфику в сравнении с миром реальным, свои взаимоотношения с ним. Эта проблематика является центральной для эстетики. Выдвижение именно этой проблематики (по названным причинам) обуславливает смену законодательной власти в царстве литературы: риторика, бывшая законодательницей литературы на протяжении почти двух с половиной тысяч лет эры рефлексивного традиционализма, уступает трон эстетике. Литература из состояния риторичности вступает в состояние художественности.

В связи с этим приблизительно с середины XIX века существенно изменяется и природа поэтики. Во-первых, привнесенная в культуру эпохой романтизма идея историзма рождает историческую поэтику, интенсивность развития которой свидетельствуется на русской почве блестящим трудом А.Н. Веселовского. Во-вторых, поэтика в значительной мере утрачивает свою догматичность и нормативность, переставая оформляться в виде свода общеобязательных правил, что отражало происшедший в эпоху романтизма переворот в представлениях о природе прекрасного и природе творчества. В-третьих, если в эпоху светско-риторического типа литературы поэтика сосредоточивалась почти исключительно на рассмотрении звукового, метрического и словесно-стилистического строения произведения, то теперь ее внимание сосредоточивается преимущественно на изучении образного строя произведения (топики), которое (изучение) отныне представляется главной (а нередко даже единственной) задачей поэтики.

Следует отметить, что после Белинского интерес к топике в русской литературоведческой мысли начинает становиться самодовлеющим и односторонним. Это особенно заметно в трудах ученых, представляющих господствовавшую тогда культурно-историческую школу. Их интересовало исключительно содержание произведений, которое понималось ими как содержание реальной жизни, лишь отраженное в зеркале литературы. Специфика же литературы как искусства слова не интересовала культуристов.

В связи с этим неудивительно, что в начале XX века – как реакция на ярко выраженный (я бы даже сказал «агрессивный») «содержанизм» культурно-исторической школы – возникает и интенсивно развивается формальная школа, которую интересует в литературе не столько «что», сколько «как». С легкой руки формалистов поэтика начинает трактоваться как теория литературной формы и средств ее создания.

Литературное развитие в ленинско-сталинский период было развитием инволюционным, развитием вспять, что я попытался показать и объяснить в своей книге [4]. Возврат на доэстетический, т.е. риторический, традиционалистский, этап развития, сопровождавшийся, в частности, утверждением теории социального заказа, ремесленнических представлений о природе литературного труда, закономерно отражался и в

возврате к давно забытому пониманию поэтики как только литературной техники, упрощенно трактуемого мастерства.

Неудивительно, что и литературоведческие исследования этой эпохи часто именно так и называются: «Мастерство Горького», «Мастерство Некрасова» и т.д. После смерти Сталина и – особенно – после XX съезда партии литература вновь продолжила развитие по эволюционному пути. Изменяются, становясь более глубокими и содержательно богатыми, представления о литературном труде, о природе литературы. И с этого времени все реже выходят исследования, в названии которых фигурирует слово «мастерство», и всё чаще – исследования, содержащие в заголовке слово «поэтика», значение которого по-разному понимается разными учеными, значение которого не всеми определяется, но значение которого уже не сводится к упрощенно понятому «тэхнэ» – мастерству литературного ремесленника.

### ***Литература***

1. *Иванов В.В.* Поэтика / Краткая литературная энциклопедия: В 9-ти т. - Т. 5. - М., 1968. - Стб. 936 - 948.

2. *Горский И.К.* Историческая поэтика в ее соотношении с другими литературоведческими дисциплинами / Историческая поэтика. Итоги и перспективы изучения. - М., 1986. - С. 128-152.

3. *Жирмунский В.М.* Введение в литературоведение. Курс лекций. - СПб; Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1996. - 440 с.

4. *Черноиваненко Е.М.* Литературный процесс и историко-культурном контексте. Развитие и смена типов литературы и художественно-литературного сознания в русской словесности XI-XX веков. - Одеса: Маяк, 1997. - 712 с.

**Впервые опубликовано в издании:** Проблемы сучасного літературознавства: Зб. наук. праць.- Одеса: Маяк, 1999. – Вип. 5.- С. 28-33.